

И.Л. Кызласов

КАМЕНЬ ДЫРОВАТЫЙ
(Символика пещерных святилищ
и культовой стрельбы из лука)

*Статья печатается по предложению
Владимира Николаевича Басилова
и посвящается его светлой памяти*

В научной литературе широко распространены попытки истолковать отдельные древние объекты или изделия как свидетельства мировоззрения или знаний далекого прошлого. Однако сколь удачными ни выглядели бы такие исследования, они способны бросить лишь разрозненные отсветы на глубоко скрытые в недрах истории явления духовной культуры. Продуктивнее рассматривать массовые формы древних памятников как определенные историкокультурные совокупности. У этого подхода ныне имеются серьезные основания: археологи накопили обширные данные о любых категориях древних памятников всех времен, природных и историко-культурных зон; этнографы, фольклористы, филологи и философы изучили основы первобытного и традиционного мышления и формы его выражения. Воплощениями коллективного сознания, порождениями общих закономерностей постижения мира предстают менгиры и изваяния, кромлехи и курганы, поселения и города, архитектурно оформленные святилища¹. Сегодня есть возможность рассмотреть мировоззренческие основы пещерных святилищ.

Один из интереснейших памятников такого рода – Камень Дыроватый. В полости этой чусовской скалы найдены исключительно наконечники стрел: костяные, кремневые, вкладышевые, бронзовые и железные – около 18 тыс. У большинства из них повреждено острие, другие встречены в обломках, десятки вонзились в расщелины стен и потолка. Пещера труднодоступна – ее вход расположен в 19–20 м от основания обрыва и в 40 м от вершины. Первый исследователь памятника А.Н. Прокошев заключал, что он «является древнейшим из известных на Урале жертвенным местом, просуществовавшим чрезвычайно долгое время от эпохи употребления кремневых и вкладышевых орудий до железных наконечников в XIII–XIV вв. н.э.». Все это время люди снизу стреляли в эту пещеру. Исследования, проведенные Ю.Б. Сериковым, подтвердили и дополнили прежние наблюдения. Им, в частности, обнаружена ружейная дробь и пули, т.е. установлено, что обычай длился от мезолита до современности, не менее 14 тыс. лет². Но цель обряда осталась невыясненной: несколько гадательных предположений свелись к мысли, что «первопричина его функционирования» «уникальна, не имеет аналогов», что «какой бы она ни была, она ни разу больше не повторилась ни в одном из известных пещерных святилищ»³. Камень Дыроватый, действительно, редчайший памятник, однако ценность его для постижения древнего мировоззрения более всего заключена в однотипности, обрядовой ясности действий, не столь очевидной во множестве иных подобных культовых мест⁴. Аналогичные стрельбы проводили не только древние уральцы. Айдашинская пещера расположена в Южной Сибири неподалеку от г. Ачинска и представляет собой воронку с основной вертикальной и боковой шахтами. Раскопки этого жертвенного памятника дали коллекцию разнообразных предметов от неолита до средневековья, но подавляющее большинство среди них – наконечники стрел. Часть наконечников изготавливалась специально для стрельбы в пещеру⁵.

Два этих далеких друг от друга карстовых объекта не составляют какого-либо исключения. Связь ряда некогда почитавшихся пещер с приношениями стрел уже отмечалась в литературе⁶. Рассмотрим наиболее яркие примеры, позволяющие выде-

лить из сложного переплетения отправлявшихся у пещер культов и отражавших их приношений существование особого самостоятельного обрядового явления.

Ритуальные стрельбы в глубь пещер в древности не только производились, но и символически обозначались. Пример тому – находки в пещерах самих предметов культового действия: луков и стрел. «В 7 км от города Ачинска вверх по течению р. Чулым, – писал в 1978 г. П.П. Хороших, – на плоской возвышенности, лишенной растительности, находится пещера в виде подземного углубления. Более 70 лет назад один из жителей д. Мазульской спускался в эту пещеру и нашел в ней полированные костяные наконечники стрел. На полу пещеры были заметны следы лежавших когда-то деревянных луков»⁷. Символы иного рода обнаружены в 1981 г. новосибирским археологом Е.А. Сидоровым в верховьях р. Тёя (Хакасия) при обследовании пещеры, расположенной в 5 км от разъезда Тузук-сух⁸. В ее глубине (150–200 м от входа) за большим залом и гротом в одной из полузаваленных тупиковых галерей, на стене сохранился выполненный тонкой резной линией рисунок. Под слоем натекшей глины различима фигура пешего лучника, пустившего стрелу. Ради дальнейшего изложения отмечу, что изображен здесь мужчина, пребывающий в половом возбуждении.

Задумываясь над тем, какие древние представления породили отмеченные обрядовые действия, следует, во-первых, понять, каким образом воспринималась предками подобная пещера; во-вторых, выяснить культовое содержание выстрела из лука, определить символику пущенной стрелы.

Символика пещер

Первый вопрос мне уже доводилось рассматривать⁹. Согласно фольклорным и этнографическим данным, определенный человеческий коллектив некогда выделял ту или иную гору, которая воспринималась в качестве реального плодоносящего центра, породившего всех членов этой общины. Внутри этой горы зарождались будущие соплеменники, туда же «уходили» и умершие родовичи¹⁰. Такое горное нутро содержало в себе не только, говоря языком нашего времени, все биологические силы, но и все экономические потенции рода. С ним связывались надежды на существование всего мира (по большей части сводившегося к освоенной первобытным коллективом территории), природное изобилие и благополучие самой общины – начиная от сытости и кончая необходимым материальным достатком. Плодоносящая гора воспринималась как некое женское естество, а существование в ней пещеры конкретизировало подобные представления: карстовая полость выступала детородным органом священного каменного чрева.

Последнее положение подтверждает многообразный материал, представляющий разные эпохи, территории, области культуры. Так, опираясь на изучение западноевропейских палеолитических памятников, А. Леруа-Гуран отмечал: «Мы имеем основания считать, что пещеру воспринимали как женщину, по крайней мере в некоторых ее частях»¹¹. Гипотеза французского ученого не кажется невероятной, если ее поставить в ряд с хронологически более поздними материалами. По наблюдениям М.М. Бахтина, в народной средневековой культуре Европы пещеры, наряду с серией различных представлений, воспринимались и как женский детородный орган¹². Пережитки сходных воззрений прослеживаются и в Азии. В традиционной духовной культуре народов Саяно-Алтая особенно яркие примеры встречаем в шаманских молитвах тувинцев, записанных Н.Ф. Катановым¹³. Вполне отчетливо сохранились они и на крайнем востоке Евразии – у нанайцев. По данным А.М. Золотарева, их «род Мулинка предполагает, что когда-то, в незапамятные времена, он произошел от скалы на речке Мулин... род Тыктемка, по убеждению сородичей, произошел также от скалы. Это было на р. Тыктемка. Там сейчас еще видны в скалах углубления в виде дыры. Из этих дыр вышли первые люди Тыктемки»¹⁴.

Таковы культовые представления, связанные с пещерами почитавшихся гор. Аналогичные взгляды некогда имели повсеместное распространение.

Символика стрелы и выстрела

Из многообразия связанных со стрелой традиционных воззрений, в той или иной степени распространенных у различных народов¹⁵ и освещенных многочисленными источниками и рядом исследований, выделю здесь одно. Древнейшие представления соотносят стрелу с оплодотворяющим мужским началом. Общеизвестны видоизмененные, типологически наиболее поздние формы воззрений о стрелах любви – символах любви и брака. Стрела, пронзающая сердце, – распространеннейший мотив, известный от древнеиндийских до русских любовных заговоров недавнего прошлого¹⁶. В этом позднем явлении стрелы представлены уже в определенной степени как атрибуты того или иного божества любви (греческого Эроса, римского Амура, индийской Камы и т.д.).

Более архаичные воззрения, в которых значение стрелы вполне самостоятельно, отразились в свадебных обрядах – таких, например, как известное у многих народов поднимание покрывала с лица новобрачной. Стрела в этом случае выполняла не только указываемые в литературе охранительные функции¹⁷, но и, символизируя мужскую плодородную силу, имела прямое отношение к главному смыслу создания семьи – продолжению рода. Это особенно ясно в тех случаях, когда покрывало невесты поднимали не одной стрелой (или ее моделью), а при помощи заряженного стрелой лука¹⁸, имитируя выстрел, направленный в женщину, а не в воображаемого злого духа, от которого, как пишут, он ее должен был бы защищать¹⁹. Такая черта ярко проявляется в украинском обряде, исполнявшемся на второй после венчания день. Он сопровождался бросанием в стену вокруг головы невесты камушков и завершался раскрытием ее личного покрывала заостренной палочкой – несомненной заменой былой стрелы. Обряд так и назывался «расстреливанием новобрачной»²⁰. В подобных свадебных ритуалах правомернее видеть связь со стрелой любви из народных заговоров, пронзающей избранницу, чем, скажем, с выстрелом в дымоход, отпугивающим проникающую оттуда вредоносную силу. Раннюю форму ритуалов, возможно, сохранил обычай выбора невесты у бушменов: бросая маленькую костяную модель дротика в свою избранницу, юноша в случае промаха не мог рассчитывать на свадьбу.

Мысль о том, что использование лука и стрелы в свадьбе проистекает из принадлежности этого оружия божествам любви²¹, ошибочна. Как увидим, связь здесь обратная: стрелы (и связанный с ними лук) оттого и стали орудием таких божеств, что еще до их возникновения (в очеловеченном виде) уже являлись традиционными символами плодородия, а точнее – оплодотворяющего мужского начала. Такое культовое значение стрелы и сохранили свадебные обряды.

С этой точки зрения следует взглянуть на роль стрелы в одном из главных действий бурятской свадьбы, когда молодые совершают троекратный обход юрты. «Если жениха на свадьбе нет по какому-либо случаю и свадьбу приходится делать без него, что случается у бурят, тогда невеста, идя под шалью, в правой руке держит стрелу, которая заменяет жениха». Суть действия и народом, и исследователями объясняется одним лишь стремлением помешать злому духу занять жениховское место²². Точнее, думается, говорить о двойной ритуальной функции стрелы: одна – защитная (подтверждаемая таджикской аналогией с обрядовым замещением жениха его рубящим оружием²³), другая – символическая замена самого жениха. Напомню мифологическую основу бурятского обряда. Согласно записи М. Хангалова, в начале мира в первоокеане разобщенно плавали мужской и женский детородные органы. Стремясь дать начало всему сущему, они дважды безуспешно устремлялись друг к другу, двигаясь посолонь. В третий раз, поплыв против солнца, они сошлись, и совершилось оплодотворение. Реальные новобрачные трижды обходили юрту именно против солнца²⁴, чем ритуально воспроизводили описанную мифологическую картину: жених и невеста символизировали собой мировые мужское и женское начала, перенося на возникающую семью их производящее предназначение. В этих условиях замена жениха стрелой определенно указывает на нее как на символ мужского производящего естества.

Подтверждение такого значения стрелы находим в другом свадебном обряде бурят – втыкании ее в опорный столб внутри жилища. Первоначальное и главное содержание ритуала также представляется сложнее одного лишь защитного назначения стрелы или символизации крепости брачного союза. Параллелизм слов свадебной песни («Стрелу вашу с орлиным пером / Встретил крепкий столб / Священную нашу свадьбу / Сыграем в завтрашний день») позволяет понять, что и это действие соотносило свадьбу с идеей вселенского плодородия. Жилище тут – образ мира, столб суть его вертикальная ось (древо жизни), вонзившаяся стрела – активное производящее начало. Недаром к опорному столбу ставили и молодую березку, выходящую вершиной в дымоход²⁵.

В целом ритуальное действие можно, видимо, расшифровать следующими словами: «Вот, в ваш дом влетела оплодотворяющая стрела! Ваше жилище (как мир в начале времен) оплодотворено – живите и размножайтесь!» Нечто подобное стоит и за постоянной формулой свадебной поэзии монголов: «Натягивайте лук, увеличивайте семью!»²⁶. В сравнении с этим становится понятен и изначальный смысл втыкания четырех стрел по углам комнаты в русской царской свадьбе XVII в.²⁷ Здесь лишь воспроизводится горизонтальный образ четырехугольного мира. Развешиваемые на стрелах соболя шкурки и калачи – символы благополучия и достатка, возникшие в правящий среде на поздней стадии существования ритуала.

В итоге всего сказанного можно поставить названные свадебные действия в приводимый Д.К. Зелениным ряд обрядов, где стрела служит заместителем мужских детородных органов²⁸ и символизирует проникающее и оплодотворяющее мужское начало. Сравнивая перечень частей тела, поражаемых стрелой любви в восточно-европейских заговорах с контекстом тех приговоров, которые должны уберечь мужчину от бесплодия²⁹, встречаемся с новыми отголосками подобных представлений в среде русского народа. Сопоставление стрелы с мужским половым органом привело к грузинскому поверью о придании ею мужской силы; белорусы в сходных случаях прибегали к помощи «громовых стрел» – древних каменных наконечников³⁰. Универсальность таких воззрений иллюстрируют образы раннесредневековой арабской любовной поэзии, равно как и произведений западноевропейских вагантов, в которых аналогичное значение нередко приобретает копьё³¹.

Широкое распространение символической связи мужского начала со стрелой подтверждают схожая этимология понятий «удар грома», «забеременеть» и «старший сын» у китайцев (роль «небесного перуна») и написания пиктограммы «отец» в древнейшем письме II тыс. до н.э. сочетанием знаков «рука» и «стрела». Показательно, что другие, более поздние варианты пиктографической передачи понятия «отец» связаны со знаками фаллической формы³². Особого внимания пожалуй, заслуживает отмеченное в шорском фольклоре описание побратимства, знаменующего не только родство по крови (по матери, по рождению), но и по зачатию (по отцу): «Обменялись друг с другом стрелами, разрезая большой палец, кровь друг у друга сосали»³³.

Оплодотворяющая символика культового выстрела из лука прослеживается и в Западном полушарии. Хорошо проявляется она, например, в былом жертвоприношении девушки у индейцев – пани-волков. После того как войны пускали в нее свои стрелы, труп девушки немедленно разрубали, переносили на свежезасеянное маисом поле, где из его кусков выжимали кровь и окропляли ею землю, чтобы обеспечить хороший урожай. Вероятно, видоизменение плодоносящей символика выстрела встречаем и у индейцев Калифорнии: имитация стрельбы в шамана наделяет его магической силой, духами-покровителями³⁴.

Приведенные материалы позволяют полагать, то в незапамятные времена выстрел из лука (так же, как и, вероятно, бросок копья и дротика) не всегда воспринимался как смертоносное действие, прерывающее жизнь человека или животного. В определенных случаях он символизировал акт зарождения новой жизни, был наполнен жизнеутверждающим содержанием. Выстрел, направленный в пещеру священной горы, обозначал плодородное соединение мужского и женского начал³⁵. Согласно веро-

ваниям, он стимулировал производящую деятельность того находящегося в горных недрах центра, от которого зависела не только численность первобытного коллектива, но и поголовье животных в лесу (а позднее – и домашних стад), т.е. уровень благосостояния всей общины; производящую деятельность того центра, который сосредоточивал все биологические и экономические потенции человеческих групп³⁶.

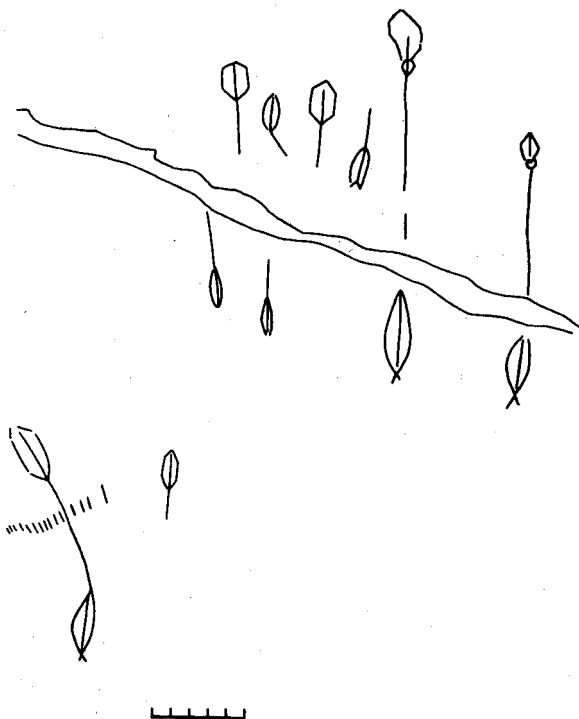
Таким, в общих чертах, представляется комплекс первоначальных воззрений, стоящий за жертвенными пещерами, содержащими наконечники стрел. Со временем он, несомненно, видоизменялся: усложнялись представления, стоявшие за одними и теми же ритуальными действиями, возникали новые, забывалась и не осознавалась первооснова старого культа. Проследить эту эволюцию сложно, и об этом еще придется говорить ниже, здесь же важнее привести иные свидетельства бытования выявленных воззрений, не связанных со стрелами. Поиски источников, проверяющих полученные выводы, оказались вполне продуктивными. Особенно показательны использовать материалы того же района Южной Сибири, где расположен и один из образцовых памятников – Айдашинская пещера.

Иные выражения тех же идей

В одной из Бирюсинских пещер на Енисее среди предметов и поделок различных эпох были также найдены «os penis медведя и собаки и кости, отделанные в виде os penis»³⁷. Они указывают, что пещера, воспринимавшаяся как женский детородный орган, была связана с обрядами, символизировавшими акт оплодотворения горы, и, что особенно важно, в них должно было принимать участие и мужское производящее начало. Перед нами – тот же комплекс представлений, который выявляется благодаря находкам стрел в пещерах. Для его ритуальной реализации в этом случае использованы лишь иные символы – соответствующие кости животных и специфические изделия³⁸. В стадияльно более развитых, земледельческих обществах подобный культ продолжался в формах, сохранивших связь с исконными горными действиями охотников. Примером служат греческие аграрные праздники типа Арretoфорий, Скирофорий и Фесмофорий, посвященные Афине и Деметре. «Одним из важнейших ритуальных обрядов, совершаемых в эти праздники, – пишет А.А. Передольская, – был обычай бросания в подземные помещения или ущелья, посвященные этим божествам или, наоборот, выноса из этих мест печеня фаллической формы, чтобы способствовать плодородию земли»³⁹.

Пережитками пещерных ритуалов были, вероятно, недавние моления в ряде пещер Хакасии. Согласно сообщению конца XIX в., у горы Биштаг по р. Узулжул, «по речке Нине и Базе есть пещеры, в которых камлают шаманы при громадном стечении инородцев»⁴⁰. Важно, что такие моления устраивались ради благополучия и плодovitости скота.

Судя по всему, описываемые представления о выстреле в пещеру – одна из форм реализации более широкого комплекса воззрений, основанного на восприятии всего горного нутра в качестве плодоносящего центра. Стрелы, помещенные в расщелины и трещины пород или положенные у основания утесов и под их навесы, – находка, хорошо известная этнографам и археологам Урала, Западной и Восточной Сибири. Полагаю, что это не только типологически сходное, но и общее с пещерными жертвенными явление. Подтверждение вновь находим в области «живой старины». Воспоминание о связи меткого выстрела в священную гору с благополучием человеческой жизни хорошо заметно в рассказе о культовом месте хантов: «Здесь на высоком яру есть бугор, похожий на стог сена. Когда мимо едут – стреляют в него. Кто попадет, тот долго жить будет. У кого стрела или пуля в урман уйдет – скоро умрет»⁴¹. В более общей форме об этом обычае писал Ф. Белявский: «... Ни один остяк не пройдет мимо без того, чтобы не выстрелить сперва из лука в то место, где находится святыня, чем и оказывается благопочтение»⁴². Ранней весной в каждой хакасской семье мужчины и мальчики расстреливали из ружей выставленное на горе фигурное печенье *кузулкалар* (от русск. козюлька), имевшее форму разных животных: маралов,

Резные рисунки на наклонной скальной плоскости нижнего яруса восточного склона горы Жалгыз-Тюбе. Горный Алтай. Верховья Чуи. Прорисовка автора

олений, медведей, лошадей, коров, птиц, даже белок (но не кошек, собак, волков – только съедобную живность); крошки съедали наблюдавшие дети и взрослые. Подвергшись русскому влиянию, праздник сохранил древнюю сущность плодоносящего выстрела в священную гору, о чем говорит и его хакасское название Мылтых (т.е. ружье)⁴³.

Подобные народные обычаи объясняют некоторые археологические находки. Близ д. Таш-Осты Гафурийского р-на Башкортостана высится над рекой скала с пещерой. На ее склонах и в осыпях постоянно находят железные наконечники позднесредневековых стрел. Скала поэтому так и зовется – Уклы-Кая (Стрельная скала). Жители объясняют это редкое явление эпически: богатыри-де вели в старину перестрелку, стоя на разных вершинах. Однако второй горы, на которой находили бы наконечники стрел, в окрестностях нет⁴⁴. Ее и не должно быть, так как перед нами материальные свидетельства той формы почитания священной горы, которая обнаружена на Урале исследованием пещеры Камня Дыроватого (к слову, раскопки Ю.Б. Серикова дали много наконечников стрел у основания самого Камня – и здесь стрельбы велись не только в пещеру, но и – преимущественно в железном веке – в саму скалу). Памятники типа Уклы-Кая известны и для скифского времени: в трещинах скалы Елбач (р. Сылва) и у ее подножия встречаются бронзовые наконечники стрел. В каменном и бронзовом веке сходным образом почиталась скала у р. Каменка в Приангарье⁴⁵. Есть подобные объекты и на Саяно-Алтае – во втором горном районе, памятники которого привлекаются мною в настоящем исследовании. В алтайской топонимии отмечены Адар-Кайа (Стреляющая скала) и Башадар (*баш* – «голова, холм», *адар* – «стрелять»). Первое название люди связывают с богатырской стрельбой в горного змея, второе – с состязаниями по стрельбе на этом холме⁴⁶. Подобные названия известны и в славянском ареале: скалистая гряда Стрільча скеля есть на правом берегу Днепра в пределах бывшей Екатеринославской губ.⁴⁷

Следует сказать еще об одной форме почитания гор. Среди скальных жертвенников от Финляндии до Якутии выделяются случаи обнаружения наконечников стрел близ писаниц⁴⁸. Характерно, что сначала ученых привлекают петроглифы, а затем обнаруживаются относящиеся к ним жертвенники, причем находимые близ писаниц в расщелинах стрелы обычно попадали туда не при стрельбе, а возлагались в виде приношений. Изредка отмечаются и следы пускания стрел в расщелины издали, часто с реки⁴⁹. Сомнительно, что в старину такие пожертвования приносились лишь утесам с нанесенными на них изображениями. Естественно, у скал, лишенных писаниц, подобные остатки обнаруживаются редко, в основном случайно. Многочисленные этнографические данные позволяют говорить, что в подобной форме почитались и те горы, которые не имеют археологических примет. Примером служат эвенкийские скальные жертвенники, содержащие стрелы, а чаще – дровки со снятыми наконечниками и деревянные модели стрел⁵⁰. Состав приношений указывает, что от многих проявлений подобного ритуала может со временем вообще не остаться следов.

С выделенными представлениями и обрядами, вероятно, можно увязать и наскальные рисунки особого рода, существующие в Южной Сибири. На плоскости изображены только стрелы. Привожу здесь вид небольшой писаницы, занимающей наклонную поверхность камня на нижнем ярусе восточного склона горы Жалгыз-Тюбе, стоящей в Чуйской степи южнее с. Кош-Агач (рисунок). Стрелы направлены к вершине горы и, судя по форме наконечников и оперенья, вырезаны уже в новое время, т.е. принадлежат к традиционному искусству современных алтайцев.

Подводя итоги, можно сказать, что в наиболее общей форме перед нами – попытка древнего человека воздействовать на почитаемую коллективом гору (если она имела пещеру, то через нее) путем выстрела из лука или приношением стрел (ретроспективно – дротиков или копий). Если эта схема верна, то она вполне типологически сопоставима с описанными свадебными действиями в бурятском жилище, направленными на древо жизни⁵¹. В нашем случае центр мира представлен горой. Не воспроизводили ли стрельбы мифологическую картину, относимую древним сознанием к началу творения Вселенной?

О времени появления изучаемых воззрений

Прежде чем говорить о развитии исследуемых представлений и связанных с ними ритуальных действий, определим время их появления. Датировка пещерных и скальных святилищ показывает, что подобные воззрения существовали уже в мезолите. Применение лука и стрел само указывает на возможную нижнюю границу сложения обряда, поскольку мезолит – эпоха появления этого орудия в культуре человека⁵². Однако символическая связь, существующая между стрелой и копьем или дротиком, вызывает более глубокие ретроспективные построения. Перенос ритуального содержания действия с одного вида метательного оружия на сходное по воздействию, с копья на стрелу, не кажется невероятным (позднее подобное происходит со стрелой и ружейной пулей) и преодолевает хронологическую грань мезолита и палеолита. Сознывая необходимость специального исследования проблемы в данном направлении, укажу лишь на ряд данных, подтверждающих правомерность избранного подхода.

Представления о священной горе как центре, производящем жизненные силы, и о пещере как ее плодородном органе настолько архаичны, что формирование их именно в условиях палеолитической жизни человечества наиболее вероятно⁵³. Без этих представлений не могли сложиться интересующие нас воззрения и действия. Высказанная здесь гипотеза согласуется с заключениями А. Леруа-Гурана, полученными на иных материалах. Изучая верхнепалеолитическую живопись, исследователь пришел к выводу, что по древнейшим представлениям «ранение дротиком могло приравняться к половому акту», предложил символическую «эквивалентность: женский знак – рана»⁵⁴. Занимаясь восстановлением древних представлений, В.Н. Топоров рассмат-

ривает верхнепалеолитические рельефы из Лоссель (особенно выделяя женскую фигуру с рогом и мужскую с дротиком) «как прототипы двух известных образов – рог изобилия и стрелы любви»⁵⁵. В поисках ранних параллелей изучаемым пещерным святилищам можно вспомнить, например, и находку одних лишь наконечников копий в колодеце зала Абсида пещеры Ляско⁵⁶.

Если высказанное предположение верно и найден тот тип оружия, с которым были изначально связаны выявленные древние воззрения, то неизбежно встает вопрос: почему эти представления были совмещены именно с копьем и дротиком, а не с иными предметами или орудиями? Не приходится сомневаться, что в такой своеобразной форме нашло отражение важное явление первобытной жизни – вероятно, им было разделение труда по полу. Копье (и сформировавшийся на его основе дротик) потому и было совмещено первобытным мышлением с мужским естеством, на него оттого и было перенесено мужское производящее начало, что это оружие в реальной жизни служило типичным, едва ли не древнейшим орудием взрослого мужчины, его обязательным и отличительным признаком⁵⁷.

В упоминавшихся свадебных и жертвенных ритуалах стрела часто используется без лука: в столб или углы жилища стрелу втыкают руками, занавеску невесты поднимают ею, распорядитель бурятского поезда засовывает ее за пояс, охотники кладут стрелы под скалы и в расщелины, древнейшая китайская пиктограмма состоит из знаков «рука» и «стрела» и т.п. Маловероятно видеть во всем этом ритуальную деградацию стрельб. Если исходить из исторической последовательности метательных орудий и возможной преемственной обрядовой связи стрелы с дротиком и копьем, причина применения стрелы без лука предстает следствием переноса ритуальных действий с ранних ручных орудий на стрелу.

Выявленные древние представления, связанные с горными и пещерными жертвенниками, интересны не только объяснением определенной категории археологических памятников и не только тем, что еще одним штрихом дополняют известную картину сложной духовной жизни далеких предков. В них видно стремление древнего человека повлиять на окружающий мир, направить ход событий в нужном для него направлении. С наших позиций эта попытка иррациональна, но в ней проявляется главное отличительное человеческое свойство – целенаправленное творческое воздействие на природу. Одновременно перед нами предстает пример зависимости человеческого сознания от конкретных условий бытия.

Видоизменения символики стрельб

Огромное число наконечников стрел, находимых на склонах священных гор и в пещерах, несмотря на их одновременность, вероятно, свидетельствует о коллективной форме вершившегося ритуала. Анализируя материалы Камня Дыроватого, А.В. Арциховский писал: «Это был, очевидно, религиозный обряд (может быть, состязание лучников)»⁵⁸. С давними соревнованиями по стрельбе связывают названия священных гор алтайцы.

Выстрел в священную гору или ее пещеру, судя по изученным материалам, приравнивался древними людьми к оплодотворяющему соединению женского (горное нутро) и мужского (проникающая стрела) начал. До появления лука так же расценивался и бросок копья или дротика. В этих условиях у участников обряда (вероятно, это были все взрослые мужчины общины) имелся совершенно реальный в их понимании стимул для меткого броска или выстрела: от попадания в цель зависели благосостояние коллектива, наличие здорового потомства, гармония в окружающей природе. Стремление, а точнее, осознаваемая каждым необходимостью внести свой вклад в обеспечение жизненных благ, неизбежно рождали среди стрелков дух соревнования – ведь проявлялось истинное значение каждого мужчины, в том числе и присущая ему магическая сила (отличавшая, по мнению первобытных сообществ, прошедшего инициацию от непосвященных). Можно думать, что человек, попавший в цель на таком,

вероятно, сезонном (весеннем) обряде, воспринимался как сильный охотник, расценивался как настоящий мужчина.

Такова мистическая основа древних стрельб, соревнований в меткости, поддерживавших и развивавших совершенно необходимые в жизни навыки, а в определенный момент и возводивших их в ранг высокого священнодействия⁵⁹. На этих корнях выросли все те виды первоначально народных, а затем воинских и спортивных состязаний по стрельбе из лука и метанию копья, которые с развитием общества освободились от древних идеологических обоснований и в конце концов предстали в своей реальной практической и гимнастической форме.

Данные письменных источников, фольклорные и этнографические материалы подтверждают намеченное развитие. Мы уже видели, что таежники Западной Сибири сохранили довольно близкие к исходным представления о значении таких стрельб. У хантов с успешным выстрелом в почитаемую вершину соединялись надежды на долгую жизнь. Правда, уже не всего коллектива, а лишь самого стрелка (у хакасов — отдельной семьи). Связь меткого выстрела с идеей плодородия сохранилась в свадебных состязаниях. У древних индоиранцев, например, такие стрельбы служили для избрания жениха царевны и претендента на престол⁶⁰. Как известно, всеобщим мотивом и архаического, и развитого эпоса являются соревнования женихов при сватовстве. Показательно, что по большей части это стрельба из лука (реже, как в германском сказании о Зигфриде и Брюнхильде, метание копья). Иной тип мышления, при котором старая форма наполняется новым содержанием, порождает многочисленные состязания, в которых, однако, среди прочих доблестей героев (скачки, борьба, поднятие тяжестей и т.д.) обязательно сохраняется пускание стрел⁶¹.

Указанием на происхождение фольклорного мотива от изучаемого комплекса первобытных воззрений служит мишень, которую должны пронзить стрелой соперники. Наиболее часто ею бывает кольцо. Дело здесь не только в мелких размерах предмета: стоит лишь вспомнить, что кольцо — один из наиболее распространенных знаков женского детородного органа⁶², как известный эпический мотив наполняется уже знакомой по пещерным стрельбам символикой. Сватающийся витязь доказывал, что он не только обладатель богатырской доблести, но и, согласно скрытому значению действий, достойный муж, истинный производитель.

В этих воззрениях мы находим ключ к пониманию другого распространенного фольклорного сюжета, знакомого по сказке о царевне-лягушке⁶³. Пускание стрел в поисках жены — не жеребьевка, а магическое указание суженой, предназначенной продлить род героя. Наконец, это своеобразная имитация той мифологической ситуации, в которой первоосновой мира служит соитие мужского и женского естеств. Подобные первопричины ритуальных стрельб и вынуждают героя жениться на любом женском персонаже, завладевшем его стрелой, даже на лягушке, вызывающей отвращение у слушателей сказки, ничего уже не знающих ни о тотемизме, ни о магии выстрела из лука, ни о хтонической природе земноводного, некогда указывавшей на космический характер брака: союз небесного и земного, верхнего и нижнего миров.

К содержанию выявленного ритуала и комплекса древних представлений о выстреле восходит, как полагаю, и широко распространенное (по крайней мере с раннего железного века) значение стрелы и лука как символов верховной власти. Это может быть и отдельная стрела: по словам Авесты, Ахурамазда вручил золотую стрелу первому царю иранцев Йиме⁶⁴. Чаще, вероятно, олицетворением власти служил лук, что убедительно показано, например, исследователями духовной культуры и прикладного искусства скифов⁶⁵. Ряд ритуалов сохранил более архаичное проявление — в них будущий владыка должен был произвести выстрел из лука. Память об этом хранят и пережиточные новогодние стрелковые игры восточноиранских народов, победитель которых на сутки объявлялся царем⁶⁶, и фольклорный мотив соперничества наследников в натягивании особо тугого отцовского (дедовского, прадедовского) лука, в способности выстрелить из него⁶⁷. Видоизменением сюжета, видимо, являются выборы главного из разбойников или других персонажей сказок многих народов: им стано-

вится тот, кто дальше других пустит стрелу. Важно, что иные способы установления старшинства в сказках указывают: оно присуждается не просто самому ловкому и сильному, а обладающему магической властью над природой⁶⁸. Выходит, и стрельбы показывают такую силу.

Развитие государственности, все определеннее связывающей верховную административную власть с военной, на стадии феодализма привело к перенесению на лук и стрелу основной схемы членения правящих слоев. Лук, выражая идею господства, становится воплощением сюзеренства, в значении стрелы выступает подчиненное положение пускаемого луком орудия, она воспринимается как знак вассальной покорности⁶⁹. Связь лука и стрел с социальным размежеванием общества ярко иллюстрирует легенда об Огузхане, установившем иерархию своих шестерых сыновей-родоначальников с помощью поисков золотого лука и стрел. Предание, записанное Абул-Гази в XVII в., сохранило скрытое древнее значение этого орудия в ритуальной организации не только общества, но и мироздания. Недаром Огуз-хан повелевает закопать лук на востоке, а стрелы – на западе, в местах, «куда не ступала нога человека»⁷⁰, – это ориентированные по движению солнца края мира. Не случайны и имена сыновей мифического предка туркмен: у старших они связаны с главными объектами неба (Кюн – «солнце», Ай – «луна», Йулдуз – «звезда»), у младших – земли (Кёк – «трава», букв. «зелень», Таг – «гора», Тенгиз – «море»). Социальный порядок, оправдываемый легендой, подчиняет младших сыновей (нашедших стрелы) и их потомков старшим (нашедшим лук), а скрытый в том же повествовании символизм подчиняет земное небесному.

Начав с позднесредневекового письменного источника, возобновим движение в древность. Значение выстрела из лука как символа ритуального подчинения и упорядочения окружающего пространства царем установлено исследователями еще для скифского общества⁷¹. Календарные царские стрельбы на четыре стороны света бытовали в древности в Индии и Египте⁷². Нетрудно заметить, что за фигурой правителя, покоряющего пространство с помощью лука и стрел, стоит по крайней мере воспоминание о той поре, когда царь имел не только верховную административную, но и высшую сакральную власть, исполнял главные жреческие обязанности. Представитель более ранней ступени общественного развития знаком нам по описаниям шаманов. Этнографы давно предполагали первоначальное использование для камланий не бубна с колотушкой, а лука со стрелой. Память об этом сохраняется в устном и изобразительном творчестве народов Сибири⁷³.

Стоит всмотреться в эти ритуально освященные попытки воздействия на окружающий мир то ли прямо через покорение и организацию пространства стреляющим царем, то ли через посредство подчинения духов-хозяев местности и стихий натягивающим тетиву шаманом. В стремлении целенаправленного воздействия на природу через выстрел и состоит их суть, роднящая поздние обряды с древними стрельбами в священную гору или ее пещеру. В таком свете за фигурой стреляющего царя стоят не только ритуальные функции верховной власти, но и архаическое восприятие правителя как главного стрелка – воздействователя на сакрализованную природу. Думается, что истоки этого заключены в авторитете первобытного победителя коллективных культовых стрельб, оставивших археологические памятники типа Камня Дыроватого. Палеолитические метатели копий и дротиков не утверждали этим свою власть над общиной, а подтверждали свое место в ней. Поэтому сначала борьба за главенство, вероятно, имела вид соревнований по магической стрельбе с другими равноправными соперниками, что и превратило лук в знак власти. Затем наследственность правления привела к передаче отцовского лука и состязания свелось к противоборству сыновей. Вершина этого развития – сюзерен, протягивающий стрелу ставшему его вассалом феодалу. Появление огнестрельного оружия прервало тысячелетнюю традицию, ибо она уже жила лишь в облике самих предметов, а не в их применении.

Вторая ветвь представлений, произраставшая из корней, прослеженных по материалам пещерных памятников, продолжала существовать и при ружье и пуле. Причина

этого, полагаю, в том, что идеи обеспечения благополучия по-прежнему связывались не с оружием, а с производимым им выстрелом⁷⁴. Обрядовая замена стрелы пулей произошла из-за внешней схожести их действий и применения⁷⁵.

* * *

Таковы главные выводы о древних воззрениях людей и их обрядовых проявлениях. Они не исчерпывают ни всего многообразия представлений, некогда связанных с такими археологическими памятниками, как скальные и пещерные святилища, ни всех особенностей символического восприятия лука и стрел, не затрагивают всех относящихся сюда проблем. Естественно, нет и исчерпывающей полноты в использованных материалах, привлекавшихся лишь в порядке иллюстраций. Между тем направление возможных исследовательских поисков проступает довольно отчетливо. Как видим, избранная для анализа группа археологических памятников позволила проследить связь древнего мировоззрения с устройством общества на той или иной ступени его развития, а конкретные видоизменения представлений и обрядов повторяют основную линию социального восхождения человечества.

Камень Дыроватый, благодаря чистоте и длительности проявления связанных с ним культовых действий, способствует постижению основного смысла пещерных святилищ. Таковым было приобщение, воздействие на вселенное призводящее нутро священной горы. Перед нами всеобщее явление древнего мировоззрения, относящееся, начиная с палеолита, ко всему периоду почитания пещер человечеством. Лишь формирование трехуровневого образа мира привносит в восприятие пещер новое – они становятся входом в нижний мир. Но и это происходит потому, что потусторонний мир (мир порождающий и поглощающий) первоначально пребывал, по мнению предков, внутри горы⁷⁶, куда вела пещера.

Примечания

¹ Кызласов И.Л. Воплощения Вселенной. Археологические памятники как объект палеоастрономии // Историко-астрономические исследования. Вып. XXI. М., 1989. С. 193–212.

² Прокошев А.Н. Район реки Чусовой // Изв. Гос. Академии истории материальной культуры (далее – ГАИМК). Вып. 109. Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. Л., 1935. Найдены и кости птиц и животных – остатки жизнедеятельности пернатых хищников; а также единичные серебряные монеты (Збруева А.В. Идеология населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 29). Новые данные см.: Сериков Ю.Б. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на реке Чусовой // Рос. археология (далее – РА). 1996. № 4.

³ Сериков Ю.Б. Указ. раб. С. 138.

⁴ См.: Кызласов И.Л. Ранние формы осознанного воздействия человека на природные силы // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М., 1988.

⁵ Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск, 1980. С. 89, 92.

⁶ Бадер О.Н. Жертвенное место на р. Вишере // Сов. археология (далее – СА). 1954. Т. XXI. С. 257, 258; Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Указ. раб. Гл. III.

⁷ Хороших П.П. Пещеры бассейна р. Чулым // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 84.

⁸ Устное сообщение Е.А. Сидорова 1981 г.

⁹ Кызласов И.Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // Сов. этнография. 1982. № 2.

¹⁰ См. также: Кызласов И.Л. Мировоззренческие основы погребального обряда // РА. 1993. № 1. С. 101–104, 108–110.

¹¹ Леруа-Гуран А. Религии доистории // Первобытное искусство. Новосибирск, 1971. С. 89.

¹² Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 409.

¹³ Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. Перевод. СПб. 1907. № 549, 608, 666, 1023, 1549–5 и 12. С. 67, 73, 79, 120, 163, 164.

¹⁴ Золотарев А.М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1954. С. 21.

¹⁵ См. об этом: Ерофеева Н.Н. Лук // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.

¹⁶ См., напр.: *Топоров В.Н.* К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров) // Труды по знаковым системам. IV. Тарту, 1969. С. 55–58; *Майков Л.* Велико-русские заклинания. СПб., 1869. № 6, 21, С. 11, 18–19.

¹⁷ Например, вывод Н.И. Веселовского (*Веселовский Н.И.* Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение // Зап. Восточного отделения Русского археологического о-ва. Т. XXV. Вып. 1–4. Пг., 1921. С. 288) однозначен: «Стрела, как острый, колючий предмет, подобно иголке, ножу, топору, сабле, мечу, копыю, а также колючему растению, наводит страх на злого духа. В этом единственно и заключается свойство стрелы и ее значение в обрядах, ничего другого в ней нет, ни человеческой души, ни плодородия, ни тем более любви, только один страх». Ср.: *Зарубин И.* Дополнения к статье Н.И. Веселовского «Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение» // Зап. Коллегии Востоковедов при Азиатском музее Российской Академии Наук. Т. 1. Л., 1925; *Кисляков Н.А.* Свадебные лицевые занавески горных таджиков // Сб. Музея антропологии и этнографии (далее – МАЭ). Т. XV. М.; Л., 1955. С. 508–516.

¹⁸ *Зарубин И.* Указ. раб.

¹⁹ Ср.: «Конечно, стрела направлена не против молодой, а в защиту женщины, чтобы на пути к ней отразить злое начало во взглядах» (*Веселовский Н.И.* Указ. раб. С. 290).

²⁰ *Веселовский Н.И.* Указ. раб. С. 291.

²¹ *Ерофеева Н.Н.* Указ. раб. С. 75.

²² *Хангалов М.* Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания у бурят унгинского инородческого ведомства Балаганского округа // Этнограф. обозрение. 1898. № 1. С. 66; *Веселовский Н.И.* Указ. раб.

²³ *Зарубин И.* Указ. раб. С. 95. Не забудем, что у многих народов оружие соотносилось не только с военной, но и с производительной функцией, что отразилось в чертах божеств (см., напр.: *Бессонова С.С.* О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 5, 14). Корнями таких воззрений являются, видимо, представления о связи смерти с рождением, о смерти-перерождении.

²⁴ В других случаях такое движение необычно. См.: *Хангалов М.* Указ. раб. С. 67.

²⁵ В действии еще участвует нож – надо полагать, символ защиты. Все три предмета (нож, стрела и березка) привозятся на свадьбу в ящике, сделанном из шкуры коня (с гривой и хвостом), видимо, являющимся символом коня – образа солнечной вселенной (*Балдаев С.П.* Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ, 1959. С. 60, 61, 112, 119, 137).

²⁶ *Ерофеева Н.Н.* Указ. раб. С. 75.

²⁷ *Веселовский Н.И.* Указ. раб. С. 273.

²⁸ *Зеленин Д.К.* Магическая функция примитивных орудий // Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. 1931. № 6. С. 752.

²⁹ *Топоров В.Н.* Указ. раб. С. 37, 39.

³⁰ *Ерофеева Н.Н.* Указ. раб. С. 76.

³¹ См., напр.: Из немецкой поэзии. Век X – век XX / Пер. Л. Гинзбурга. М., 1979. С. 26.

³² *Серкина А.А.* Опыт дешифровки древнейшего китайского письма (надписи на гадательных костях). М., 1979. С. 51. Табл. II, 24, 25; *Рифтин Б.Л.* Китайская мифология // Мифы народов мира. Т. 1. С. 654.

³³ *Дыренкова Н.П.* Шорский фольклор. М.; Л., 1940. С. XXXVI.

³⁴ Атлас по истории религии. М., 1930. Рис. 274; *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 171.

³⁵ Второе название Айдашинской пещеры – Девья (Девичья) яма. Аналогичные названия карстовых полостей распространены по всему миру, их анализ немало мог бы дать для воссоздания представлений, связанных с изучаемыми объектами.

³⁶ *Кызласов И.Л.* Гора-прародительница в фольклоре хакасов.

³⁷ *Еленев А.* О Бирюсинских и Караулинских пещерах // Древности. Т. 15. Вып. 2. М., 1894. Протоколы. С. 72.

³⁸ Напомним о специально изготовленных для обряда наконечниках стрел, найденных в Айдашинской пещере. Оценивая находки Бирюсинской пещеры, учтем и традиционные представления сибиряков о связи медведя и собаки с человеческим родом (*Иванов В.В., Топоров В.Н.* Медведь // Мифы народов мира. Т. 2. С. 128, 129; *Кызласов И.Л.* Гора-прародительница в фольклоре хакасов. С. 91, 92).

³⁹ *Передольская А.А.* О сюжетах трех терракотовых статуэток, найденных в кургане Большая Близнаца // СА. 1950. Т. XIII. С. 268.

⁴⁰ *Каратанов И.* Черты внешнего быта качинских татар // Изв. Русского географического о-ва. Т. XX. Вып. 6. СПб., 1884. С. 633, 643.

⁴¹ *Лукина Н.В.* Культовые места хантов р. Нюрольки // Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск, 1980. С. 95.

⁴² Цит. по: *Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Петроглифы Средней Лены. Л., 1972. С. 80.

⁴³ Рассказано 27 марта 1984 г. Октябриной Николаевной Сагаяковой (в девичестве Кучендаевой, 1943 г. рождения, сеок Чодалар), в детстве участвовавшей в таких праздниках в долине р. Бейка, притока р. Уйбат.

⁴⁴ Благодарю за рассказ о памятнике уроженца тех мест археолога Н.А. Мажитова. Ему принадлежит и датировка материалов (не ранее XIV–XV вв.). См. также: *Талицкая И.А.* Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // Материалы и исследования по археологии СССР. № 27. М., 1952. С. 75. № 539); *Мицлов С.Р.* Очерки Приуралья // Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1911 год. Уфа, 1911. С. 26, 29, 30.

⁴⁵ *Шмидт А.В.* Жертвенные места Камско-Уральского края // Изв. ГАИМК. Т. XIII. Вып. 1–2. 1932. С. 36, 37; *Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Указ. раб. С. 81.

⁴⁶ *Молчанова О.Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. С. 117; *Кучигаева Н.А.* Топонимика долины Кара-Кол у алтайцев // Языкознание. Тез. докл. и сообщ. III Всесоюз. тюркологической конф. Ташкент, 1980. С. 75.

⁴⁷ *Макаренко Н.Е.* Археологические исследования 1907–1909 годов // Известия Археологической комиссии. Вып. 43. СПб., 1911. С. 106–108.

⁴⁸ Напр.: *Савватеев Ю.А.* Наскальные изображения Финляндии // Первобытное искусство. Новосибирск, 1976. С. 138, 139; *Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Указ. раб. С. 25–31, 81; Многочисленные факты см.: *Окладников А.П., Мазин А.И.* Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976; *их же.* Писаницы бассейна реки Алдан. Новосибирск, 1979.

⁴⁹ *Бадер О.Н.* Указ. раб. С. 246, 250, 257, 258.

⁵⁰ В приношениях чащы и монеты, пуговицы, дисковидные предметы. В этом можно видеть культ солнца (в его производящей основе), связь которого со стрелой отмечается для разных районов мира. Так, индусты и поныне устраивают ритуальные стрельбы из лука в честь бога солнца (*Гринцер П.А.* Древнеиндийский эпос. М., 1974. С. 43). Вспомним сравнение солнечных лучей со стрелами. Помимо общей идеи плодородия связь стрелы с культом солнца может быть опосредована и образом солнечной птицы – орла (*Топоров В.Н.* Указ. раб. С. 41, 42; *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Орел // Мифы народов мира. Т. 2), перьями которого и оперялись стрелы. Сюда же, вероятно, относятся и следы культа огня: приношение кремней, деревянных приборов для добывания огня, позднее – пороха и спичек (*Бадер О.Н.* Указ. раб. С. 256; *Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Указ. раб. С. 23, 25, 78–80; *Окладников А.П., Мазин А.И.* Писаницы бассейна реки Алдан. С. 86). Воззрения, стоящие за приношением горам и пещерам вместе со стрелами других изделий, могут стать предметом особого исследования.

⁵¹ О былых приношениях стрел почитаемым деревьям свидетельствуют действия со столбами. Археологически они известны с каменного века, а от столба с черепом зверя наверху и множеством сломанных деревянных стрел у подножия (*Ошибкина С.В.* Искусство эпохи мезолита // Искусство каменного века. Лесная зона Восточной Европы. М., 1992. С. 28) остается один шаг до возложения стрел (затем ружейных патронов) или гальки фаллической формы зооморфным каменным изваяниям, изображавшим Вселенную (*Кызласов Л.Р.* Древнейшая Хакасия. М., 1986. С. 90, 129, 171).

⁵² Поэтому объяснение костей плейстоценовых животных, найденных в пещере Камня Дыроватого, верхнепалеолитическими стрельбами из лука (*Сериков Ю.Б.* Указ. раб. С. 135, 136) вызывает удивление.

⁵³ *Кызласов И.Л.* Гора-прародительница в фольклоре хакасов; *его же.* Мировоззренческие основы погребального обряда.

⁵⁴ *Леруа-Гуран А.* Указ. раб. С. 89.

⁵⁵ *Топоров В.Н.* Указ. раб. С. 4. Прим. 62; *его же.* К происхождению некоторых поэтических символов. Палеолитическая эпоха // Ранние формы искусства. М., 1972. С. 85. Ошибочны обмолвки В.Н. Топорова о том, что лоссельский памятник представляет собой образец верхнепалеолитической живописи, а мужская фигура там изображена со стрелой.

⁵⁶ *Абрамова З.А.* Ляско – памятник палеолитического наскального искусства // Первобытное искусство. Новосибирск, 1971. С. 73, 74.

⁵⁷ Перенос связи копыя с мужским производящим началом на стрелу лежит в основе восприятия лука как женского чрева. Самостоятельность символики копыя или дротика несомненна, парность же такого оружия, как лук со стрелой, позволила дополнить воззрения в логическом направлении: «раз стрела – мужское, то лук – женское» (не забудем: лук возник как новый прибор для метания дротика). Вслед за этим на лук перенесен комплекс образов, сопутствующих производящему лону (ср. противоположное мнение, оторванное от истории материальной культуры: *Ерофеева Н.Н.* Указ. раб. С. 76: «Семантика лука как космического женского чрева лежит в основе фаллической символики стрелы»). Намеченная последовательность – единственно возможная и в скрытом восприятии охоты: от проникающего копыя к пронзающей стреле (см. замечательное наскальное изображение на рис. 1 в указанной работе Н.Н. Ерофеевой) и от всего этого – к поэтическим образам любовной охоты.

⁵⁸ *Ариховский А.В.* Введение в археологию. М., 1947. С. 106; *его же.* Основы археологии. М., 1954. С. 128.

⁵⁹ Ср.: первобытный «человек в меньшей степени замечает свое усилие и в большей – работу орудия. Так получается концепция, что орудие работает не в силу прилагаемых усилий..., а в силу присущих ему

волшебных свойств. Получается представление об оружии, работающем без человека, за человека» (Пропн В.Я. Указ. раб. С. 176, 177).

⁶⁰ Гринцер П.А. Указ. раб. С. 43.

⁶¹ Многочисленные материалы указывает П.А. Гринцер (Гринцер П.А. Указ. раб. С. 254–300).

⁶² Афанасьев А.Н. Древо жизни // Избр. статьи. М., 1983. С. 119; Топоров В.Н., Мейлах М.Б. Круг // Мифы народов мира. Т. 2. С. 19.

⁶³ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979. С. 128, 129. № 402. Сюжет известен и на Востоке. См.: Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен // Изв. Русского географического о-ва. Т. XXIX. Вып. 6. СПб., 1893. С. 528.

⁶⁴ Гринцер П.А. Указ. раб. С. 180.

⁶⁵ Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977. С. 31–39, 125–128, 161–170; Алексеев А. Сцена вручения лука на аттической амфоре VI в. до н.э. // Сб. Гос. Эрмитажа. Вып. XLVI. 1981. С. 42.

⁶⁶ Гринцер П.А. Указ. раб. С. 43. Ср. известный мотив из «Одиссеи» Гомера.

⁶⁷ См., напр.: Раевский Д.С. Указ. раб.

⁶⁸ Пропн В.Я. Указ. раб. С. 105.

⁶⁹ Алексеев А. Указ. раб. С. 42; Курьлев В.П. Оружие казахов // Сб. МАЭ. Вып. XXXIV. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978. С. 21. Механическая подчиненность стрелы луку превращает ее в символ вестника (напр.: Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.; Л., 1958. С. 49. Строки 455–470).

⁷⁰ Кононов А.Н. Указ. раб. С. 48, 49. Строки 425–470.

⁷¹ Раевский Д.С. Куль-обские лучники // СА. 1981. № 3. Частная форма организующей пространство функции стрел и копий отразилась в росписях склепов (Попова Е.А. О декоративном оформлении склепа № 9 восточного участка некрополя позднескифской столицы // Вестн. древ. истории. 1984. № 1).

⁷² См.: Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 66. Императорские дары – лук и четыре выпуска стрел – преподнес в 52 г. до н.э. ханьский двор гуннскому Хуханье шаньюю (Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 89; Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. II. М., 1973. С. 35, 142).

⁷³ Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. М., 1980. С. 73. Табл. 38, 1.

⁷⁴ По сходству действия лук могла замещать и праща. Ю.Б. Сериков считает, что некрупные гальки попали в пещеру Камня Дыроватого как метательные снаряды (Сериков Ю.Б. Указ. раб. С. 134). Ср. бросание камушков при упоминавшемся «расстреле» невесты в украинском обряде.

⁷⁵ Пуля заменяет стрелу не только при культовом выстреле, но и в обряде побратимства: «Двумя друзьями, как пара рогов, они становятся, золотыми пулями обмениваются. Палец разрезав, друг у друга кровь сосут» (Дыренкова Н.П. Указ. раб. С. XXXVI).

⁷⁶ Кызласов И.Л. Мировоззренческая основа погребального обряда. С. 108–110.

I.L. K y z l a s o v . Kamen' Dyrovaty (symbolics of cave sanctuaries and of cult bow shooting)

The author points out that scientific literature contains numerous attempts at interpreting individual ancient objects or articles as reflections of the world outlook or knowledge from the distant past. Presently it has become possible to consider the world outlook foundations of some cave sanctuaries. One of the most interesting objects of such kind is the cave called «Kamen' Dyrovaty» in the Urals. It is to this cave that the article is devoted.